

РЕЙС

Рассказ

Итак, сегодня **20 августа 2018 года**. Вчера наше судно «Академик Лихачев» снялось с якоря неподалеку от мурманского причала и начало движение на восток к Восточно-Сибирскому морю, где планируется сейсмическая съемка для оценки нефтезапасов в недрах морского дна. По пути нам нужно пройти три моря: Баренцево, Карское и Лаптевых. Я нахожусь на этом сейсмическом судне в роли ледового специалиста. Моя задача — фиксировать встречающийся лед, принимать гидрометеороинформацию, доводить ее до руководства экспедиции и консультировать при необходимости по ледовым вопросам.

Полдня позади. Чем я был занят? Обустройством быта. Несколько дней выпрашивал стул в каюту (один-то стул был, но, чтобы принять хотя бы одного посетителя, нужен еще), слегка подзадрал этой просьбой старпома, зато сегодня мне позволили взять из столовой мини-диван. Мы приволокли его вдвоем с матросом Серегой. С диванами здесь дело обстоит проще, чем с обычными стульями. Теперь осталась одна серьезная задача — решить вопрос с телефоном, которого в каюте пока нет.

21.08. Теперь у меня к тому же нет верхних нар — они рухнули вчера вечером, пока я, сидя на них, разглядывал стену, выискивая подходящее место, чтоб ввернуть шуруп, а затем примотать к нему веревку для сушки одежды. Благо я живу в каюте один и на нижних нарах в момент обрушения никого не было. Я же отделался мелкими ссадинами. По горячим следам пришел в голову такой сюжет: два старых друга, коллеги — возможно, работники одного НИИ. Один — бывалый экспедиционер, не вылезавший из морей, неунывающий весельчак, второй — научный сотрудник кабинетного типа, жертва стрессов и семейных обязательств. Личные и общественные проблемы второго в последнее время обострились, и первый зовет его в рейс: поехали, Вовка (так назовем для удобства второго), развеемся. Володя, конечно, отказывается — сложно так взять и оставить кучу нерешенных проблем на берегу, выбыть из привычной жизни сразу на несколько месяцев. Но Виктор (так зовут первого) настаивает: будешь со мной жить в каюте, вернешься другим человеком! И Владимир решается: была не была, еду в рейс! С нетипичной для себя решимостью, которую не в силах поколебать ни недоуменное ворчание пожилой матери, ни истеричные проклятия супруги, он вместе с Виктором несется навстречу бескрайним соленым просторам. В первый день рейса, нагулявшись по палубе на свежем ветру, лишь только затронув (еще успеет — рейс длинный!) множество важных тем, с ощущением приятной усталости друзья готовятся к первой ночи на двухъярусных нарах. Владимир уже расположился

Роман Редисов родился во Владимире в 1975 году. Окончил Санкт-Петербургский государственный университет со специальностью «географ-океанолог». Кандидат географических наук. Работает в Арктическом и антарктическом научно-исследовательском институте.

на нижней койке с электронной книжкой в руках. Включив у изголовья ночник и достав очки, он решил перед сном чуть-чуть почитать. Бородатый Виктор в тельнике и черных семейниках, закончив фыркать над раковиной, окидывает с доброй ухмылкой старого друга в домашней пижаме, с книгой и умильно блестящими между коечных шторок очками. Виктор опирается ногой о край нижней койки и выверенным, отточенным годами прыжком заскакивает на верхние нары..

Восемь секунд спустя, отбросив обломки ДСП и полированную фасадную доску с койки Владимира, Виктор стоит с ободренным предплечьем перед нижними нарами и, не веря глазам, с вопросительной интонацией взывает:

— Володя?..

Володя молчит, он не дышит...

Ладно, что-то я расписался, так и Львом Толстым стать недолго, буду покамест посдержанней. Да-с.

22.08. Ночью на выходе из Карских Ворот (пролив между Баренцевым и Карским морями) мы встретили лед. Я уже лег, когда услышал характерные удары и скрежет. Наш сейсмик, словно заправский ледокол, расталкивал носом толстые, хоть и редкие льдины. Пришлось подниматься на мостик — как-никак я здесь ледовый специалист, главный свидетель льда.

День прошел в мелких заботах. В обед объявили, что ночью судовое время переводят на час вперед — и так теперь будет каждую ночь, пока московское время на судне окончательно не трансформируется в сахалинское (заказчик у нас базируется в Южно-Сахалинске, приходится подстраиваться под него). А к вечеру нарисовался вариант решения проблемы с телефоном — переезд в другую каюту. Если так случится, это будет уже третья моя каюта за неделю. Сначала я махнул с ребятами из смежной каюты по их просьбе — у них на двоих не было в каюте дивана. Теперь диван есть, зато нет вторых нар.

После ужина позвал биолога Сашу к себе поболтать, и беседа затянулась. Музыка, кино, политика, биология, антропология, история...

Сегодня мы многое вспомнили. О том, что ночь коротка, цель далека, а небо становится ближе с каждым днем.

23.08. Переехал в новую каюту. Палубой выше. Поближе к начальству и мостику, подальше от кухни. Зато здесь есть телефон, ну и каюта новее, приличнее. Оказывается, на этой палубе был пожар, поэтому каюты здесь после ремонта и выгодно отличаются от тех, что на нижних палубах.

Днем были в бане — с Сашей и старшим биологом Василичем. Все бы хорошо, но усилилась качка. И когда из купальни стала выплескиваться вода, я вспомнил о кружке с чаем, оставленной на столе рядом с ноутбуком. Чашка закрыта крышечкой, стоит на резиновом коврикe, но... в прошлом году в аналогичной экспедиции я залил сладким чаем клавиатуру — просто неловко двинул локтем. Тогда была задница. Я судорожно выдернул шнур из розетки, вынул аккумулятор, затем отвинтил крышку ноутбука, сушил, вытирал... в общем, схватил измены по полной. Под угрозой была вся моя экспедиционная миссия. Но все обошлось — залипли лишь крупные клавиши, дублирующие мышь. Теперь же если до начала основной работы случится подобное — страшно представить... Обливаясь холодным потом, я нервно ворочался, лежа на полке в парной. Помылся на скорую руку и помчался наверх спасать ноутбук. Кружка с чаем стояла на месте.

На мостике Саша поднял тему морских традиций, всегда его удивлявших. Началось с услышанной им фразы нашего капитана: «На мостике не должно быть никаких разговоров!» Капитан у нас весьма суров. Мы предположили, что, возможно, на

самом-то деле он — рубаха-парень, просто выбрал себе такой образ, стал его заложником и теперь способен расслабиться только в каюте, а перед выходом на мостик или просто «в народ» вынужден специально себя настраивать — возможно, зажимать дверью палец или колоть себя морским кортиком в бедро. Капитан в тот момент был на мостике, поэтому мы говорили шепотом. Саша вспомнил такие морские приметы:

- Нельзя садиться на кнехты (пеньки для канатов), потому что кнехт — это голова боцмана. Нетрудно представить, как стонет боцман, когда кто-то нарушает традицию.
- Нельзя ходить в тельняшке в общественных местах, так как тельняшка — это нижнее белье.
- И наконец, нельзя входить без носков (в сандалиях, шлепанцах) в столовую или кают-компанию, так как вид пальцев ног отбивает аппетит или даже вызывает рвотный рефлекс.

Сегодня мы многое поняли: море учит. И учит хорошему.

24.08. Если у кого-то на почве благостного вчерашнего заключения сложился образ моря как эдакого мудрого добряка, то этот образ ошибочный. Море — тот еще злыдень! Всю ночь я ловил по каюте то стул, то бачок с мусором, собирал по полу пластиковые бутылки с водой и прочее. Качало всю ночь и все утро. И сейчас продолжает. «Задолбало, задолбало, дайте рому моряку» — так поется в одной бодрой песне. Кто-то, возможно, вспомнил бы строчку из песни кудрявых псевдорокеров: «В бурю лишь крепче руки...» Хрен там! Не руки, а ноги. В качку вся нагрузка — на ноги. Руки лишь хватают что придется в лихорадочном стремлении сохранить равновесие, если ноги уже подвели.

Под вечер качка чуть стихла. Скорее всего, приближается лед — во льдах волн нет. А значит — скоро мой выход. В ночное.

Сегодня мы многие поняли: люди делятся на тех, кто пьет «до дна за тех, кто в море», и тех, кто в море не пьет, но сдает тест на алкоголь.

25.08. В 4 ночи меня разбудил телефон — дошли до льда. В глубь льда не вторгались, но в пределах видимости лед продолжал маячить и требовал внимания в течение нескольких часов. Капитан решил не испытывать судьбу в проливе Вилькицкого (пролив соединяет Карское море и море Лаптевых между Северной Землей и полуостровом Таймыр) и повернул судно обратно — в обход ледяного языка, к проливу Шокальского (между островами Северной Земли — Большевиком и Октябрьской Революции), рассчитывая, что более легкие ледовые условия там позволят войти в море Лаптевых быстрее.

Поступили новые ледовые карты и информация об айсбергах в проливе Вилькицкого. Опустился туман. Нужно принимать решение, куда идти — в пролив Шокальского или в пролив Вилькицкого. Я за Вилькицкого, о чем и сообщил капитану — в проливе Шокальского тоже обязательно будут айсберги, но у нас о них, в отличие от айсбергов в проливе Вилькицкого, информации нет, да и пролив Вилькицкого шире. «А если ветер погонит их на нас?» — имея в виду айсберги в проливе Вилькицкого, хрипит на меня капитан. Вот они — муки выбора. «Черт! Черт!..» — были его последние слова, прежде чем он покинул мостик.

Как ни крути, ото льда не уйти.

26.08. Снова день начался для меня с ночного звонка. В три часа с мостика позвонила биолог Настя — на горизонте появился айсберг. Почти весь день я провел в на-

блюдениях за морскими льдами и айсбергами. Мы вошли в пролив Вилькицкого (все-таки в него) с северо-запада, недалеко от побережья острова Большевик Северной Земли. Впереди море Лаптевых. Между прочим, Северная Земля — это последние крупные острова, открытые человеком на нашей планете, — случилось это чуть более ста лет назад. Вечером миновали траверз мыса Челюскин — самой северной точки Евразии.

По правде сказать, сегодняшние наблюдения слегка утомили — хочется пораньше лечь спать, тем более что ночь вот уже пятые сутки подряд укорачивают на час, переводя время.

27.08. День опять почти целиком поглотили ледовые наблюдения. Наше сейсмическое судно под руководством капитана отважно билось в разреженных льдах и вышло-таки под конец суток на чистую воду. Вечером ходили с биологами в баню.

28.08. Из-за беспокойных последних суток с непрерывными наблюдениями, когда спать приходилось урывками, сбился режим дня. Ночью спал пару часов, затем поспал днем. Айсберги, требующие внимания, после обеда вроде бы прекратили мозолить глаза и дали возможность немного передохнуть. Я уж думал, конца им не будет. Никогда в открытом море их столько не видел. В течение трех суток, сменяя друг друга, они почти всегда были в пределах видимости. Некоторые столообразные достигали в горизонтальных размерах сотни метров (длину самого крупного я оценил в 500 метров).

Наблюдатели за морскими млекопитающими биологи Саша, Настя и Василич за последние дни, пока шли во льдах, «настреляли» (визуально зафиксировали) массу всяческой живности: тюленей, моржей, китов и медведей. Апофеозом их наблюдательности стала сегодня стая нарвалов — рогатых китов. По словам Василича, ранее в море Лаптевых нарвалов никто не видел. Так что налицо научное открытие.

29.08. Вот уже больше суток нет Интернета. С ним на судне постоянные проблемы. Днем слушал музыку: «Аквариум» («Равноденствие»), «Новых композиторов» (с Брайном Ино), сайкобиллов «Raugun Cowboys» и очень неслабый альбом Little Axe «Stone Cold Ohio». Теперь думаю почитать книжку о покорителях Арктики и пораньше заснуть.

30.08. День начался по расписанию. Будильник зазвонил в 7-30. Умылся, вышел на палубу — подтянулся на турнике, позавтракал, поднялся на мостик. Ни айсбергов, ни льда — благодать! В 9-00 рабочее совещание. Отправил с компа на мостике сводку начальству, так как в каюте Интернет не работает. Вернулся в каюту, принял душ. До обеда свободное время. Полежу, почитаю.

Тем временем мы уже рядом с Новосибирскими островами. Началось гидрометеобеспечение экспедиции — стала поступать фактическая и прогностическая информация для района работ о погоде, волнах, ледовых условиях. Я начал вести наблюдения в синоптические сроки по GMT (время меридиана Гринвича) и готовить ежесуточные отчеты.

Задался вопросом: что может сделать эти заметки бестселлером, если продолжать описывать одни лишь факты? По-видимому, только какая-нибудь катастрофа. И сопутствующий ей героизм. Крушение судна, зимовка на далеком арктическом острове, борьба за жизнь, лишения, каннибализм...

31.08. Вчера, незадолго до ужина, у нас спустя двое суток заработал Интернет, и я принялся изучать почту и скачивать инфу по работе. Это так меня затянуло, что я позабыл обо всем, кроме ужина, вплоть до глубокой ночи.

А тем временем мы уже в Восточно-Сибирском море, вышли к району работ.

Сегодня наконец-то перешли на сахалинское время: плюс 8 часов с Москвой и плюс 11 с Гринвичем. Привыкаю к новому ритму работы. Отправил свой первый суточный отчет. Днем читал, отсыпался за ночь. Думаю, что хорошо бы свой ночной срок наблюдений в 5 утра по местному времени попросить делать Сашу, у которого вахта с четырех до восьми. Тогда я бы смог вставать на завтрак. Ладно, посмотрим.

01.09. Странный день. Усилились ветер и качка. Судно кружится вокруг первого рабочего профиля, но никак не начнет стрельбу из пневмопушек, что-то не в порядке с оборудованием. Весь день чувствовал сонливость и вялость. Спал днем. Попытались с Сашей и Василичем сходить в баню, но не смогли запустить тэн. Те же проблемы с баней были у нас и два дня назад. В общем, либо здесь с баней что-то не так, либо мы не знаем каких-то секретов.

02.09. Дни текут серо: обычные рабочие моменты с бытовухой. Второй вечер подряд демонстрирую Саше фильмы, которые я уже не однажды смотрел. Нужно будет следующий раз посмотреть что-то из его репертуара.

03.09. Старпом у нас довольно странный. Внешне он чем-то походит на гомика – какой-то вертлявый. Вроде не гомик, но женское в нем что-то есть. Например, переменчивость настроения. То пытается хохмить-юморить или вовлечь всех присутствующих на мостике в обсуждение какой-нибудь животрепещущей для него темы – например, какими ты видишь идеальные супружеские отношения? Он, как я понял, дважды разведен. Или вот еще: насколько ты подвержен злу виртуальной реальности, в том числе Интернета? Старпом как раз отвечает на судне за Интернет, который работает крайне нестабильно. А бывают дни, когда старпом без причины начинает капризничать, ныть, как он устал, как его все достали, гонит всех, и меня в том числе, с мостика. В результате совершенно невозможно постоять-потрепаться с Сашей – у него вахта в одно время со старпомом. Я называю такие дни у старпома «критическими» – только у баб они все же реже.

04.09. У одного вахтенного матроса вот уже несколько дней болит зуб. Обезболивающие, которые дает ему док, не помогают. Кроме того, в нашем судовом медпункте нет даже щипцов, которыми, когда совсем уж припрет, можно зуб вырвать. В море помощи можно ждать только от судна сопровождения – послали туда запрос о щипцах. Но пока нет самого судна – оно вышло из Архангельска позже нас. И вот мы уже несколько дней в районе работ, а нашего спутника нет. Предполагается, что судно сопровождения должно идти впереди нас по сейсмическому профилю, делать свои измерения и своевременно оповещать нас о встрече с нежелательными объектами: айсбергами, морским льдом и всяким возможным хламом. Но пока нам приходится обходиться своими силами.

Сегодня день рождения моего родного брата. Поздравил его сообщением по скайпу – по сути, единственным возможным здесь способом, если работает Интернет.

05.09. Сегодня, на третьей неделе рейса, на судне была обнаружена гитара с четырьмя целыми струнами. И сегодня же к нам в район работ наконец пришло судно сопровождения – буксир «Валерий Семенов», тем самым подсказав нам с Сашей тему для музыкального альбома. Еще одним инструментом стал арендованный у старпома рупор-мегафон, и названия первых хитов не заставили себя ждать: «Первый приход Семенова» и «Семенов потерял ориентацию».

06.09. Который раз на рабочем совещании супервайзер заказчика по технике безопасности Володя поднимает вопрос о стоп-картах. Этот западный стандарт послед-

ние годы внедрили в работу отечественных компаний, но русские люди с трудом принимают его, видя в них разновидность стукачества. Стоп-карту может заполнить любой член экипажа, указав в ней какую-то проблему или же недостаток в работе какой-либо службы, устройства, прибора. Карту следует заполнить и передать супервайзеру. Многим непривычен такой подход — люди предпочитают решать проблему сразу, на месте и «не выносить сор из избы». Если проблема реальная, например неисправность одного из дизель-генераторов или опреснителя, об этом в стоп-карте не напишешь, так как это является основанием для прекращения работ и возвращения домой раньше срока — такое никому не нужно. Про неработающий Интернет тоже писать нельзя — это вотчина старпома, а значит, камень в его огород, вызывающий ненужную с ним конфронтацию. Однако существует неофициальный план по стоп-картам — 100 штук в месяц, который не выполняется, о чем и напоминает супервайзер Володя. Стоп-карт в месяц — показатель здоровой активности экипажа и его равнодушия к делу. Есть, правда, вариант — «позитивные» стоп-карты, содержащие похвалу: повара приготовили вкусный обед, например. Что еще? Электромеханик отремонтировал в бане тэн... И тут фантазия уже иссякает. А нужно придумывать в среднем 3,3 карты в день. Для стимулирования подобного творчества руководством учреждены поощрительные призы — для трех самых активных авторов. Но картопроизводство все равно движется вяло. В результате старпому, ответственному за выполнение плана, приходится отлавливать членов экипажа и заставлять заполнять очередную липу типа «в каюте такой-то сломался телефон / после решения проблемы телефон успешно отремонтирован». Я предложил написать стоп-карту на план по стоп-картам, чем вызвал подозрительный хмурый взгляд супервайзера Володи.

07.09. Вчера вечером друг из Питера сообщил о смерти нашего общего товарища Пети. Петруччио. С Петром я в последний раз виделся несколько лет назад. Говорил с ним по телефону полгода назад (9 марта), когда поздравлял с днем рождения. Когда-то давно он работал барменом, последние годы — водителем, иногда уходил в запой. Когда появлялся, всегда был веселым, общительным хохмачом. У него осталось двое малых детей. Отчего он умер — толком не ясно. Послезавтра похороны.

А сегодня день рождения у одного из трех моих ближайших студенческих друзей. У него тоже двое детей, и он алкоголик. Недавно вроде бы вышел из очередного запоя (они у него, правда, нечастые, но глубокие) — вышел без работы, без денег и без документов. Вернулся в семью. Сейчас у него в жизни опять очень сложный период. Надеюсь, ему хватит сил.

08.09. Днем на «Семенов» отвозили на катере супервайзера по технике безопасности Володю с короткой инспекцией. У штурманов витала мысль оставить его там, сославшись на непогоду и плохую связь, и когда тот закончит проверку и захочет вернуться обратно, кричать ему в трубку: «Але, вас не слышно!» — и шуршать целлофаном в ответ.

09.09. Сегодня получил письмо с темой «моему тренеру». Письмо начиналось так:

Привет, тренер)
без твоих наставлений совсем потерял навык по пинг-понгу)...

С Денисом, приславшим письмо, мы не виделись пять лет. Собственно, и познакомились мы в подобной экспедиции, только судно было буржуйским и работали

в Карском море у Новой Земли. Команда была там интернациональная, и рабочее общение предполагалось на английском языке. Это была моя первая экспедиция на сейсмическом судне (да сразу — иностранном!), и английский я начал учить как раз перед ней (в школе и универе у меня был французский). На компе удалось найти запись того времени:

Экспедиция. Мое общение на английском крайне затруднено. Если сформулировать немудреный вопрос мне еще удастся, то понять ответ — почти никогда. На судне человек 60. Из них три тетки и один субъект неопознанного пола (мой сосед Леня утверждает, что это мужик, но у меня остаются сомнения), много филиппинцев, англичан и поляков (среди них — капитан). Поляки многое понимают из нормального человеческого языка, и это заметно облегчает общение (что особенно важно в отношении капитана). Русскоязычных здесь восемь (шесть русских и два украинца). Из молодежи нас трое — человек-коммуникатор Денис, биолог Леонид (незаменимый в море специалист по ежам и кротам) и я (человек-айсберг, как меня называет Денис). По вечерам мы играем в теннис, иногда смотрим фильмы, треплемся о том о сем, много злословим и ржем. Работа моя складывается из напряженной переписки с институтом относительно информации, запрашиваемой капитаном, и бдений на мостике на предмет состояния погоды и обнаружения коварных айсбергов, только и ждущих, когда мы расслабимся, чтобы предстать на горизонте во всем своем апокалиптическом величии.

Сейчас Денис пишет, что работает опять в Карском море, но уже не в роли «оффисера по каммуникации», как тогда, а старпомом — вернулся в штурманы, значит. Пишет, в рейсе уже больше месяца и месяц еще впереди. Пожелали друг другу удачи.

10.09. В этот день когда-то родился поэт-музыкант Егор Летов. Кто-то считает его отцом-основателем русского панка, кто-то, наоборот, называет его хиппаном. Мне нравятся два его альбома — «Прыг-скок» и «Сто лет одиночества». Все мы, конечно, в юности рычали, что «все идет по плану», и выли про «все как у людей», но Летов никогда не был для меня гениальным поэтом, близким по мировоззрению, или тем, на кого хотелось походить. Да и в музыкальном плане сейчас мне ближе Егора его брат Сергей. Но Егор Летов и сейчас остается для меня одним из немногих примеров настоящего художника. Этого у него не отнять, он прожил всю свою жизнь как художник. Приходилось слышать и читать, что кого-то смущает некая идеологическая метаморфоза в творчестве Летова: как он сумел от антитоталитарных хитов 80-х, клеймивших советскую реальность и полных жесткой антикоммунистической сатиры, эволюционировать до участия в большевистских акциях с искренним исполнением на митингах 90-х таких революционно-ленинских гимнов, как «Вновь продолжается бой» и т. д. Кто-то искал для себя объяснение этому в летовском кредо «я всегда буду против», кто-то презрительно отвернулся, возможно вспоминая лозунг «не стоит прогибаться под изменчивый мир». Мне же кажется, что все это объясняется тем, что просто Летов — художник. А чем отличается настоящий художник от «повара, который еще и поет»? Тем, что настоящий художник вольно или невольно (бывает, даже не осознавая) всегда стремится к гармонии. Здесь, вероятно, есть творческий парадокс: быть свободным в художественных приемах, в методах выражения, но быть зависимым в векторе, направленном всегда согласно неведомой высшей силе — гармонии. И если окружающая действительность в какой-либо сфере, например социальной (на самом деле — в любой, но важной для конкретного художника), упорно выводит на полотне жизни опостылевший тренд, то истинный долг художника, руководствуясь законом искусства, жиро перечеркнуть этот тренд своим творчеством.

«Это знает моя свобода, это знает моя свобода, это знает мое поражение, это знает мое торжество».

11.09. Нашего матроса-бедолагу Серегу переправили на «Семенов», которому дали задание доставить парня в Певек — ближайший порт и самый северный город страны. Идти до Певека от нас трое суток. Там есть больница, и можно цивилизованно решить зубную проблему. Серегу снабдили многочисленными поручениями: купить сигарет, зубную пасту... Я скинул денег на гитарные струны — шансов, конечно, немного, шесть лет назад, когда я был в Певеке, там не было ничего, напоминающего о музыкальных аксессуарах, но мало ли.

13.09. На днях наконец-то наладили гитару. Предварительно порвав третью струну и подведя инструмент к родному стандарту — трехструнному. Но затем была найдена леска двух видов, пошедшая на первые две струны, и металлический тросик для удлинения порванной третьей. Старпом, принимавший участие в возрождении инструмента, вырезал из подходящей пластмассы медиатор. Гитару настроили, и в целом получилось недурно. Саша придумал интересный серф-риф для хита «Первый приход Семенова». Я предложил концепцию песни — в куплетах под Сашин риф бесстрастным голосом зачитывать метеосводку, а припев сделать более мелодичным и лиричным. И придумал для припева четверостишие:

Скажи, Семенов, что ты видишь там,
Кроме серого моря и серого неба?
Ты пришел по ветрам, ты ушел по волнам.
Я не знаю уже, был ли ты или не был.

Для пушей романтики предложили спеть припев Насте. Она тоже бренчит на гитаре и уже через час отпартовала, что придумала для припева мотив.

Композицию «Семенов потерял ориентацию» предполагается сделать инструментальной, с наложением обрывков радиопереговоров (типа «Семенов, это Лихачев... прием... назовите ваши координаты... Семенов, ответьте Лихачеву... вас не слышно... где вы?.. Семенов, как меня слышно? Прием...»), а также различных шумов машинного и природного происхождения.

Сегодня я многое понял: я все еще хочу быть рок-звездой.

14.09. Вечером выяснилось, что днем, играя «Stairway to Heaven», Настя порвала многотрадальную третью струну. А я вот знал, что от старых хиппанов можно ждать любую подставу.

16.09. Стараюсь регулярно захаживать в спортзал. У меня есть боксерские шингарды, а здесь висит очень жесткая «груша» — похоже, набитая песком. Я ее поколачиваю. Вообще, спортзал здесь душный и тесный. Теннисного стола нет. Хорошо еще, что турник есть на палубе. Но с условиями на западных сейсмиках или на наших ледоколах местные спортвозможности, конечно же, не сравнить. На атомном ледоколе «Ямал» мы и в теннис играли, и в волейбол, и в футбол, да даже в арктический баскетбол.

Арктический баскетбол — это смесь баскетбола и регби, или баскет без правил. Молодая игра, придуманная полярниками. Полярники — это... как бы лучше сказать... все же дикие люди.

В ночь рождения новой игры после затянувшегося рабочего дня на льду решили перед сном по чуть-чуть. Чисто символически. В узком кругу.

Когда опустели три бутылки и одна банка, установилось что-то вроде минуты молчания, во время которой каждый был должен решить, как быть дальше ему и компании и быть ли вообще. Именно сквозь эту возникшую вдруг тишину в каюту гостеприимного Романа прорвались из спортзала возбужденные крики и звуки удара мяча о стены и пол.

Мы появились там пятером, и пятеро там уже были. Там были наши коллеги. Один из них — Сергей — тут же сказал: «О, будем играть трезвые против пьяных». Мы думали, «пьяные» — мы, но тут же выяснилось, что Сергей под «пьяными» подразумевал свою компанию. А мы, стало быть, «трезвые». Ну да — захотелось вот спортом заняться в четвертом часу ночи на трезвую голову. Но во что бы сыграть? В волейбол — скучновато. Решили играть в баскетбол, но без правил, так как правила этой игры точно никто не знал, и чтобы избежать ненужных разночтений, решили: главное — забросить мяч в кольцо, а что ты для этого сделаешь — дело твое. Твое и тех, кто делает все, чтобы этого тебе не позволить. Наша команда разделась до пояса. Сохранилось забавное видео, снятое с телефона своевременно подоспевшей одной молодой журналисткой:

...Я получаю мяч и, не сделав удара о пол (правил нет!), устремляюсь к кольцу, но тут же на мне виснут трое. Через пару секунд я уже на полу.

...Роман со всех сил запускает мяч в переборку и сам же становится жертвой отскока — мяч с той же скоростью прилетает ему в лицо.

...Получаю мяч недалеко от кольца, выпрыгиваю с кем-то на плече и бросаю. Мяч скользит по кольцу, но внутрь не проваливается. Неудачно приземляюсь — подворачиваю ногу. Нога на глазах распухает. Продолжать игру не могу, перехожу в разряд зрителей. Но один из соперников вылетает с площадки в смежный отсек. Его падение не смягчила даже сорванная им в полете портьера. Он с трудом поднимается, держась за колено. Для него игра тоже закончена. Теперь — четыре на четыре.

...Ильяс, как медведь, бьется за мяч, кто-то хватает его за голую грудь — он недоуменно рычит.

...Ударом локтя в борьбе за мяч Лехе рассекают бровь. У Ромы подбит глаз.

...Роман с разгона врезается головой в стену. Судя по звуку, это серьезная проверка на крепость черепа и устойчивость мозга. Из рук его выскальзывает мяч, который тут же кто-то подхватывает. Роман отлетает назад, садясь на пятую точку, встряхивает головой, вращает глазами и пару секунд приходит в себя. В районе кольца новая куча-мала — рывком поднимаясь, Роман бросается в самую гущу.

...Костя видит у себя на предплечье кровь. Только что появившееся в пылу борьбы жирное густое алое пятно. Костя слизывает его — под ним раны нет — кровь не его. У Андрея тоже футболка в крови. Это Степе разбили нос, сбив заодно очки. Степан идет умываться. Через пару минут возвращается — на одной линзе трещина — кто-то успел на очки наступить. Но Степан все так же заряжен на бой — невысокий очкарик вцепляется в своих оппонентов хваткой клеща, и у тех трещат кости. Игра продолжается!..

Да, это стоит увидеть. А лучше самому поучаствовать.

17.09. Дочитываю полярную книжку «Изнанка белого» (автор Рамиз Алиев). Сегодня вычитал любопытную историю про освоение острова Врангеля. Остров находится между Восточно-Сибирским морем, где мы сейчас продолжаем работу, и Чукотским, на границе Восточного и Западного полушарий планеты. Сейчас там крупный арктический заповедник, населенный всяческой живностью: белыми медведями, овцебыками, моржами, песцами, оленями и прочей фауной. Так вот, история тоже про фауну, и весьма поучительна. Прочитав, я решил рассказать ее нашим биологам.

Дело было в далеком 1937-м. Жители острова нашли хорошо сохранившуюся тушу мамонта, о чем начальник острова Петров оперативно сообщил в Центр. И уже на следующий день главный печатный орган страны (газета «Правда») делился подробностями: длина мамонта шесть метров, хобота — три, хвост — 91 сантиметр, мясо спины — белое, у головы — красное. Новость вызвала ажиотаж в научных кругах, и Академия наук, оценив важность находки, принялась снаряжать на далекий остров научную экспедицию. До прибытия ученых было решено обеспечить сохранность мамонта. Это было непросто, так как мамонт был найден в 70 километрах от полярной станции, но Петров, предприняв необходимые меры, успешно справился с задачей — целостность туши была сохранена для детальных исследований ученых. Однако прибывшая наконец из Москвы экспедиция опознала мамонта как кита. В результате начальник острова Врангеля Петров и его заместитель по политической работе были признаны вредителями и расстреляны.

19.09. Судно движется по рабочему профилю в направлении льда, по которому я совсем не соскучился.

Начальник партии продолжает демонстрировать пренебрежение моей информацией. После моего утреннего доклада вставил реплику в духе: «Я по своим источникам это видел, так что ничего нового».

Сегодня после плотного обеда опять закрутило живот. А ведь я только поправился, как мне казалось, от недавнего отравления.

На мостике старпом ищет любую возможность, чтобы докопаться.

Таков перечень основных проблем.

20.09. Вернулся из Певека Серега. Большой зуб ему вырывать не стали, но вроде как умертвили нерв и поставили временную пломбу. Струн он не нашел. Рассказал, что на «Семенове», в отличие от нас, сухого закона нет, со всеми, так сказать, вытекающими, да и вообще — коллектив хороший.

22.09. Последние три дня брэнчал на гитаре, не забывая попутно голосить: от «Another girl, another planet» и «Take on Me» до «Ты выглядишь так несовременно» и «Уу-уу, но это не любовь». Нашел в инете аккорды к pulp'овскому «Lighthouse'у». Лучшая песня у них, я считаю.

23.09. Осознал, что меня как-то в последнее время не возбуждает наша девушка Настя. Да и она, похоже, все больше концентрируется на втором помощнике.

Часто думаю о своей подруге. Я почти обещал ей весной, что по возвращении из этой экспедиции мы, вероятно, поженимся. Наше общение длится уже почти три года. Я понимаю, что тянуть дальше сложно. Любовь покроет все — что-то подобное я где-то слышал. С каждым годом сильное чувство становится все менее вероятным. Я ценю те тепло и уют, которые мне дарит подруга, но понимаю, что, связав себя узами брака, я окончательно захлопну дверь в молодость. Вот этого я и боюсь больше всего.

24.09. Обсуждали с Сашей причины периодического старпомовского нытья. Отметили, что с подобной «тоской» на мостике среди мореходов (главным образом, среди штурманов) каждый из нас сталкивался и раньше на разных судах. Понятно, что вахта проходит быстрее, если ее скрасить беседой. Ну а какая тема для беседы найдет среди присутствующих наибольший отклик, особенно когда прошло уже больше месяца, стартовый энтузиазм давно схлынул, а главные байки уже рассказаны? Низкая зар-

плата, глупое и вороватое начальство, плохие условия труда (подтверждением этих тезисов всегда является отсылка к другим временам, цивилизованным народам и странам). Трудно устоять и остаться в стороне от обсуждения столь близких каждому жизненных вопросов. Каждый вспоминает свои насущные проблемы, случаи вопиющей несправедливости в своей жизни. И вот уже над мостиком раздается многоголосый вой, настоящий «плач Ярославны». Ничто так не роднит людей, как приобщение к общей беде — работать под руководством бездарного коррумпированного начальства (не прямого начальства на судне, разумеется, а того, что осталось на берегу, оно у каждого может быть разным, но всегда обладает схожими чертами) в стране дураков.

26.09. Вечером друзья из Питера сообщили, что в моей квартире потоп. ТСЖ просит предоставить срочный доступ в квартиру. Я в рейсе, подруга тоже — с туристами в Костроме. Больше ключей ни у кого нет. Подруга отправила ключи с пассажиркой по маршруту Кострома—Ярославль—Питер. В Питере сегодня ключи будет встречать ее подруга Жанна со своим другом.

27.09. Войдя в квартиру, Жанна с председателем ТСЖ и сантехником потопа не увидели. Но обнаружили влагу под бойлером в туалете. Надеюсь, протекший бойлер много ущерба соседям снизу нанести не успел.

28.09. В наших разговорах с Сашей традиционной темой стало подпольное движение сопротивления на судне, возглавляемое неформальным лидером мотористом Бодрицким. Бодрицкий — это человек, который бросил вызов системе, отказавшись однажды проходить ежедневный выборочный алко- и наркотест. Он просто сказал: «Не хочу». Даже прибывший на место капитан не смог изменить его решения. Этот демарш был особенно удивительным, так как каждый из трех членов экипажа, выбираемых для прохождения теста в конкретный день, предупреждается заранее, с вечера. С этого момента Бодрицкий стал героем для нас.

Это высокий, крепкий, немолодой уже человек (лет под 60) с мужественными и довольно правильными чертами лица. Он чем-то похож на французского актера 60-х Жана Маре. Его весьма благородная внешность, да и манера общения (сегодня утром, например, войдя в столовую, он обратился ко всем присутствовавшим: «Приятного аппетита, господа!») несколько диссонируют с его специальностью — моторист. Больше бы они подошли должности капитана, которым, как мы с Сашей решили, раньше Бодрицкий и был, пока, очерненный оговорами и наветами, не оказался разжалован в мотористы, пав жертвой коварных интриг, главным генератором которых, безусловно, был нынешний злой капитан. Но, как мы видим, Бодрицкий не сломлен. Будучи простым мотористом, он объединяет вокруг себя силы недовольства режимом и сопротивления. Пока скрытого сопротивления.

Теперь, что бы ни случилось на судне, мы связываем с подрывной деятельностью «подполья». Вчера сломали в сауне дверь, сегодня вышла из строя линия пневмопушек — протестное движение набирает обороты. Бунт зреет!

29.09. Утром опять пишут из Питера. Снова потоп. Затоплены якобы два этажа. Причем кипятком! И все из того же слитого три дня назад 40-литрового бойлера. Снова я пытаюсь организовать доставку ключей на квартиру (Жанна не может бросить работу), пытаюсь найти своего представителя на момент проникновения в квартиру. Нашел — спасибо, Митя! Следов новых протечек в квартире не обнаружили. Ключи оставлены под расписку председателю ТСЖ. Подруга возвращается в квартиру только через две недели, а я, скорее всего, не раньше чем через месяц...

30.09. Личность Бодрицкого вдохновила нас на новое творчество. Рабочее название песни — «Так говорил Бодрицкий». Предполагается, что на протяжении первых двух куплетов происходит мужественное мычание под музыку без слов, а в третьем куплете лирический герой «взрывается» праведным гневом и раздает всем «по серьгам».

01.10. Сегодня спустился на нижнюю палубу забросить одежду в стиралку и заодно заглянул напротив — в отсек сауны. Там застал боцмана и матроса, вцепившихся в многострадальную дверь. Они оглянулись на мое приветствие с таким странным выражением лиц, словно я застал их с поличным. Интересно, подумал тогда я: они чинили ее или же наоборот? Может быть, они тоже из «наших», из сопротивления? Так или иначе, в бане протестные явления саботажа выражаются наиболее последовательно: то ломается тэн, то дверь в сауну; из душевой отчетливо доносится «дух» эксcrementов...

02.10. Биолог Саша предположил, что Бодрицкий был хорошим капитаном, добрым, душой экипажа. Если он встречал в арктических морях морских млекопитающих, моржей или китов, то приказывал вылавливать их, чтобы те могли немного обсохнуть на палубе, и даже согревал их своим коньяком.

03.10. С ночи на 2-е до сегодняшнего вечера прилично качало. Сперва судно подняло на борт свою 8-километровую сейсмокосу, а затем двинулось во всю прыть по волнам к точке у Медвежьих островов, где завтра рано утром была назначена встреча с танкером для бункеровки (заправки топливом).

04.10. Бункеровка длилась до трех дня. Погода выдалась неплохая, и после обеда из иллюминатора своей каюты я увидел сопку с возвышавшимися над ней тремя столбами, подобными клыкам, вонзившимся в небо. С помощью бинокля я увидел правее от столбов несколько низких строений с двумя высокими мачтами-антеннами. Благодаря Википедии я выяснил, что перед нами самый восточный из Медвежьих островов — Четырехстолбовой. Строения (домики) и мачты — это заброшенная полярная станция, а 15-метровые столбы — творение природы, результат некоего криогенного выветривания — они же столбы-кигиляхи (название это связывают с якутским словом «киси», что значит «человек»). Интересные сведения содержатся в Википедии относительно количества столбов. Когда-то давно столбов было четыре, отсюда и название острова. В 1935 году, когда здесь была основана полярная станция, столбов осталось три — один к тому времени уже был разрушен. Побывавшая в 80-х годах экспедиция зафиксировала лишь два целых столба и один полуразрушенный. А по данным 1995 года, целым остался только один столб и один обломок. Сегодня можно увидеть уже три столба — два больших и один поменьше. Любопытная динамика.

06.10. Чем дальше, тем чаще на судне звучат разговоры о возвращении домой. Сроки окончания работ зависят от ледовой обстановки — пока она позволяет, продолжаем работать. Кто-то хотел бы вернуться пораньше, кто-то хотел бы задержаться, желая побольше заработать. Я отношусь к первой группе.

Сегодня один моторист, коллега Бодрицкого, уже отправился в сторону дома — комиссован на берег по нездоровью. Утром его пересадили на «Семенов», тот должен доставить его в Певек, а оттуда после обследования, вероятно, домой.

08.10. Хотя сроки нашего возвращения все еще не определены, я, как и все, строю планы на будущее. Возможно, речь пока не о конкретных планах, но о желаемых направлениях деятельности:

1. Поступить в универ на второе высшее. Устранить какие-нибудь пробелы. В школе, например, у меня не было астрономии, и я до сих пор плохо ориентируюсь в звездах. Пойду учиться на соответствующий факультет. Астрономический. А лучше космический. А что — романтично! Вновь погрузиться в студенческую среду, приобрести новые знания.

2. Организовать в нашем НИИ команду по регби-7 или на худой конец по футболу.

3. Научиться играть на терминвоксе и воплотить наконец идею об институтской рок-группе!

10.10. Зайдя в вечернюю вахту на мостик записать координаты и курс, чтобы затем отправить эту информацию институтским синоптикам, застал там довольно эмоциональные дебаты на тему «как нужно знакомиться с девушками». Инициировал дебаты старпом, участниками прений были также биолог Саша и вахтенный матрос Арсений. «Роман, — сразу обратился ко мне старпом, — разреши наш спор. Такая ситуация. Ты в кафе. За другим столиком сидят две девушки, и одна из них тебе очень понравилась. Тебе хочется с ней познакомиться. Твои действия?» — «Ну, я подойду, — отвечаю я. — Поздоровуюсь. Спрошу, не против ли они, чтобы я составил им компанию. Если не против...» — «Все! — оборвал меня старпом. — Можешь не продолжать. Ты как Саша — „спрошу“. Этим ты сразу показываешь свою неуверенность. Если ты спрашиваешь — ты перекладываешь ответственность на другого. Если я спрашиваю что-то у капитана — это значит, ответственность за вопрос лежит на нем. Бабам не нужен тот, кто перекладывает на них ответственность. Спрашивая, ты как бы ей предлагаешь решать — хочет она общаться с тобой или нет. А бабы хотят мужика, который сам все может решить». Вот как-то так. «Ну, не знаю, я бы так познакомился...» — пожимаю плечами я. «Ты познакомился так?» — допытывается старпом. «Было дело, — припоминаю я подобный случай и для уверенности добавляю: — И не раз. В последний раз, помню, в джаз-баре на Грибоедова. Бывал там, Саша? Как раз сидели две бабы...» — «И одна тебе понравилась?» — «Не то чтобы кто-то конкретно понравился. Просто решил — подсяду, а там видно будет.» — «И что в результате?» — «Подсел. Пообщались. Но продолжения не было». — «Вот видишь!» — победоносно заключает старпом. Сегодня у него общительное настроение.

12.10. Сегодня между ночным сроком и завтраком мне приснился забавный сон. Выйдя из какого-то метро в Питере, я направляюсь к автобусной остановке. Помню, что по пути мне встречается много людей азиатского типа, их же немало и в стареньком автобусе, в который я сажусь, — возможно, их обилие символизирует городскую окраину. Судя по полудеревенским пейзажам за окном, скоро автобус действительно покидает пределы города. Стоит солнечная весенняя погода, мимо мелькают голые ветки деревьев. Автобус полон людей. Я стою спиной к заднему окну и лицом по ходу движения. Судя по общему людскому настроению, день если не праздничный, то выходной. Точнее, не день, а утро. Люди переговариваются. И один мужик неподалеку от меня на площадке перед дверью спрашивает своего приятеля: «Слушай, а можешь признаться... только я прошу понять меня правильно... но все же, если честно, какое место тебя бы устроило, если не получится занять первое?» А приятель с какой-то вежливой раздражительностью, подобно спортсмену, которого отвлекают, сбивают с настрое на поединок праздные и неуместные вопросы его же фанатов или представителей прессы, отвечает: «Ну, ты же понимаешь, тут ведь многое будет зависеть — где и как это будет... если на Северном участке — это одно, а если на Южном... Да и вообще, может быть что угодно...» И, ответив в таком духе, отвернулся.

Тем временем я вижу, что сквозь ветки деревьев за окном проглядывают надгробия и кресты. И тут начинаю понимать, что автобус-то едет на кладбище, а все мы, «большельщики» и «спортсмены», едем на нем, чтобы стать свидетелями и участниками мероприятия под названием «Конкурс на лучшую смерть».

14.10. Близится к концу второй месяц рейса, и я задумался о своих тревогах. Главных две:

1. Меня, как ледового специалиста на судне, тревожит встреча со льдом. Стоять на мостике и вместе с вахтенным штурманом, капитаном, начальником партии, биологами, матросами и кем-то еще вглядываться через бинокли вдаль, пытаюсь первым обнаружить его. И когда наконец его кто-то узрит (понятно — не ты со своей близорукостью), подтвердить сначала уклончиво «да, что-то белеется там», а затем уверенней «да, похоже, что лед», тут же стараюсь идентифицировать его, чтобы хоть как-то компенсировать незавидную наблюдательность. А после фиксировать его до тех пор, пока он не кончится. Да еще отвечать на вопросы по теме. В общем, приятного мало. Завтра или в крайнем случае послезавтра ожидается новая встреча со льдом.

2. Женидьба. Я уже писал, что делился подобными планами с подругой — почти обещал ей в ближайшее по возвращении время. Но хочу ли я этого сам? Я как тот губернатор из мультика: «Я просто хотел большой дом и чтоб меня все уважали. Не нужна мне никакая ответственность!..»

«Fais se que dois, — advienne que peut. C'est commande au chevalier» — ох, уж этот франкоязычный русский рок.

15.10. Сегодня капитан отказался подписывать мой месячный табель рабочего времени (первый табель месяц назад подписал), объяснив это тем, что меня нанимала не их контора (а наш общий заказчик) и он не может контролировать мою работу.

16.10. Выяснилась предыстория демарша капитана. Клиент (представитель заказчика на судне, который и поведал мне это) в споре с капитаном пару недель назад неосторожно высказался, что все супервайзеры на судне, в том числе и я, ледовый специалист, не подчиняются капитану, а подчиняются напрямую заказчику. Капитан обиделся, запомнил эти слова и спустя две недели решил отыграться, не подписывая мне в этом месяце табель. Клиенту, к слову, аналогичный табель он подписал, а я в итоге стал неким заложником дешевых амбиций двух козлов. Клиенту простительно — он молод и старался исправить положение, убеждая вчера капитана подписать мой табель. Но все было тщетно.

17.10. Сегодня нам сообщили, что завтра планируется окончание работ и начало движения в сторону дома. Приход в Мурманск ожидается 30—31 октября.

Табель мне подписал начальник партии.

18.10. Наше судно закончило работы на участке и взяло курс домой. В связи с этим закончились мои регулярные 6-часовые гидрометеонаблюдения.

19.10. Прошлой ночью, спустя 50 дней, я наконец смог поспать семь часов подряд. С начала дня большую часть времени двигаемся во льдах. Льды молодые и вполне проходимые. С нами (а чаще всего — перед нами) судно сопровождения «Валерий Семенов». Вместе мы двигаемся в точку встречи с атомным ледоколом «Ямал», который должен провести нас через покрытый льдами пролив Вилькицкого в Карское море.

Капитан и старпом боятся льда пуще меня — вчера попросили уточнить ледовую обстановку на пути к месту встречи. Постарался помочь.

20.10. Сегодня утром вошли в море Лаптевых. Пока преобладают серые и серобелые льды.

В полночь на судне переводят часы на два часа назад — начинается процесс возвращения судового времени с сахалинского на московское.

21.10. Весь день нас ведет «Семенов». Идем за ним по каналу, который он прорезает во льдах, с крейсерской скоростью 10 узлов. Ледовая обстановка вполне позволяет обойтись без атомохода — с таким-то «Семеновым»! Главное — в темное время не налететь на айсберг. Мы приближаемся к месту их сосредоточения. Но с нами «Семенов», и он впереди.

22.10. Ночью нас взял под проводку атомоход «Ямал». Ледовые условия к тому моменту стали еще легче, что превращало проводку в фарс. Уверенный в своих силах «Семенов» пытался отказаться от проводки, но не сумел — где-то в верхах ее уже утвердили, вероятно, оплатили и распилили. Весь день мы идем по каналу за «Ямалом», хотя могли бы, думаю, не теряя темпа, идти параллельно — лед по пути очень тонкий. Глядя с мостика на корму «Ямала», думаю о нескольких незабываемых экспедициях, проведенных на нем. Сзади идет уязвленный «Семенов», стараясь сдерживать прыть, чтобы не наступить нам на пятки. Караван состоит из трех судов.

Вечером под предлогом укрытия от прогнозируемого шторма вышел из каравана «Семенов». «Ямал» попытался его отговорить, страшая неблизкой дистанцией до чистой воды и коварными северными ветрами, способными усложнить ледовую обстановку. Но «Семенов» ответил: «Думаю, справимся». Переговоры «Ямала» с «Семеновым», свидетелем которых были все находящиеся в то время на мостике, убедили меня в крутизне небольшого экипажа архангелогородского буксира. Я спустился в каюту к Саше и Василичу и предложил попрощаться с «Семеновым», так как наши пути разошлись. Мы вышли с Сашей на палубу — мерцая огнями в ночи, «Валерий Семенов» уже уходил к острову Русский архипелага Норденшельда. Удачи, ребята, и скорой встречи с домом!

23.10. В час полдника нас оставил «Ямал» — развернулся и взял под проводку другой пароход на восток. А к ужину на пути закончились остатки всякого льда. Говорят, впереди нас ждет шторм.

24.10. Весь вчерашний день шли по акватории Большого Арктического заповедника, в результате чего биологи зафиксировали рекордное для себя количество живности за световой день — 88 млекопитающих (тюленей, моржей и даже медведей).

25.10. Шторм удалось миновать. Идем в Карском море к проливу Югорский Шар (между материком и островом Вайгач). Обычно для сообщения между Карским морем и Баренцевым суда используют пролив Карские Ворота (между Вайгачем и Новой Землей), но сейчас для нас он закрыт по требованию военных.

26.10. Уже неделю на судне не работает Интернет. Надеюсь, родители и подруга не паникуют, что от меня нет вестей. Вероятно, дня через три появится мобильная связь. Вместе со льдом закончились мои наблюдения — только раз в сутки передаю погод-

ную сводку. Написал свои главы экспедиционного отчета, только отправить их не могу. Последние четверо суток прибавляли по два часа, возвращая московское время. Учитывая все это плюс неработающий Интернет, появилось больше свободного времени. Но, кажется, лучшее, на что я его трачу, — это сон.

Настя за ужином сообщила, что идти через пролив Югорский Шар, учитывая некоторые неполадки судна, сочли слишком рискованным. Карские Ворота откроются не то 28-го, не то 30-го. В результате приход в Мурманск вместо 29-го утром теперь ожидается 2-го или 3 ноября. Еще Настя сообщила, что перед ужином, когда судно проходило вблизи Амдермы, минут 20 была мобильная связь. Ожидается, что до утра мы будем кружиться в том же районе, и связь может еще появиться. На этот случай я оживил свой смартфон.

После ужина ко мне зашли Саша с Василичем и почти сразу Настя с матросом Серегой. Пообсуждали противоречивые версии наших перспектив, мобильную связь, авиарейсы из Мурманска, мощностность блютуз-колонок и прочее. Ненадолго у меня собралась непривычно многочисленная тусовка — вместе со мной 5 человек. Это взбудрило.

27.10. Проснувшись в пять утра, я обнаружил на смартфоне наличие сети и сообщение от подружки. Написал ей и маме. Получил от мамы ответ, а потом позвонила подружка — рассказала, как учиться на курсах гидов, как проплыла два километра в бассейне, как меня ждет, в общем, все нормально.

Утром вошли в пролив Югорский Шар, а к обеду — в Баренцево море. Ожидаемое время прихода в Мурманск вновь утро 29-го.

28.10. Вечером неожиданно устроили собрание руководителей служб с целью групповых фотографий. На этом же собрании сообщили, что приход в Мурманск перенесли на 30-е. Народ заказывает билеты.

29.10. Заработал мобильный Интернет. Я смог открыть почту. Денис, оказывается, все еще в море, но уже через два дня планирует прийти в Мурманск.

30.10. Судно встало на рейд в заливе напротив мурманских причалов. К самому причалу встать не удалось — не было места. А когда получится — говорят, неизвестно, может, и через неделю. До вечера сохранялась вероятность вывоза катером части судового экипажа, в том числе и меня. Не срослось — катер отложили до завтрашнего утра.

Но так даже лучше — не нужно искать гостиницу на ночь глядя, да и лишние оплачиваемые сутки рейса без реальной работы тоже не помешают. Вещи практически собраны. Квиток на пронос личных сумок через проходную порта получен. Напротив салона команды вывешен список 25 отбывающих из 47 человек. Подавляющее большинство отбывающих — так называемая «наука». Завтра, 31 октября, в 10 утра за нами придет катер. А 22 человека останутся на судне.

Что будет потом? Я возьму авиабилет до Питера на утро 1 ноября. Биологи после переговоров с офисом и друг с другом возьмут билеты на завтрашний вечер. Я бронирую номер в гостинице «Азимут», брошу там сумки, и мы пойдем с Сашей, Настей и Василичем в какой-нибудь близлежащий кабак, где и отметим окончание экспедиции. Потом они сядут в такси в аэропорт, я заселюсь в номер, а вечером двину в рок-бар, куда мы ходили с Сашей за день до рейса. Я там сяду за стойку, возьму кружку пива и осмотрюсь по сторонам. Справа у стойки замечу воркующую пару — осмотрю хорошенько девушку и найду ее симпатичной, но после взгляда ее кавалера, тревожно

обернувшегося в мою сторону, продолжу осмотр посетителей в ином направлении. За столиком слева увижу двух девушек. Одна из них (так себе) будет сидеть ко мне боком и вскоре отправится в туалет. Я воспользуюсь этим и пойду посмотреть ту, что трудно разглядеть со спины. А затем, оценив ее внешность и заметив возможность в глазах, я спрошу: «Разрешите присесть к вам?» — «Зачем?» — спросит меня красотка. «Пообщаться», — улыбнусь кротко я...

Когда встанет к причалу судно — неясно. Среди оставшихся на борту капитан, штурманы, начпартии, большая часть команды. Среди них и Бодрицкий. Возможно, он с группой сподвижников использует возникшую проволочку и возьмет наконец власть в свои руки. Капитан и старпом отправятся в трюм чинить ежедневно выносимую дверь сауны, а «Лихачев» с Бодрицким на капитанском мостике так и не встанет к мурманскому причалу, а возьмет курс обратно — в море, чтобы снова попытать там судьбу, может, встретить «Семенова» и, растворившись в ноябрьской дымке, нам оставить надежду на то, что еще все возможно.